

Анна
Сорока

Соня
Миронова

МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Экстренный вызов

Соня Миронова

**Мой полицейский.
Экстренный вызов**

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Экстренный вызов / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я привыкла спасать чужие жизни. Но ночной вызов на лесную трассу оказался ловушкой: нашу скорую захватили грабители инкассаторов. Теперь жизнь водителя и моя зависят от того, сумею ли я удержать раненого бандита на этом свете. Меня зовут Кира Соболева, я фельдшер, а не покорная заложница. Я оставила след — и надеюсь, что его прочтет Денис Яровой, полицейский эксперт-криминалист. Он умеет замечать то, мимо чего проходят другие. И готов идти за мной в самое логово банды. Его шепот «Я с тобой» обжигает сильнее страха. Только между нами — вооруженные люди, лесные болота и минуты до новой беды. Чтобы выбраться живыми, нам придется доверить друг другу больше, чем собственные сердца.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Сорока

Мой полицейский. Экстренный вызов

Мой полицейский. Экстренный вызов

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Ноябрьская ночь за окнами подстанции скорой помощи Отраденской ЦРБ казалась вымазанной сырой, стылой сажей. Мелкая водяная пыль оседала на стеклах, превращая редкие фонари больничного двора в мутные желтушные пятна. В диспетчерской пахло остывающим чаем, едким хлорамином и сквозняком из приоткрытой форточки. Я только успела сполоснуть кружку и поправить воротник синей форменной куртки, когда старый настенный селектор над столом диспетчера захрипел, щелкнул и выплюнул в тишину взволнованный голос нашей заведующей Риммы Степановны:

— Бригада два! Срочный выезд! Двадцать четвертый километр трассы Р-122, поворот на урочище Глухой Яр. Лобовое столкновение: лесовоз и легковая, машина в кювете, двое зажаты, сильнейшее кровотечение. Дядя Паша, на выезд, живо!

Дядя Паша — Павел Егорович, наш бессменный шофер, с которым мы исколесили весь район от торфяников до глухих лесосек, — уже на ходу застегивал потертый овчинный жилет. Его седые прокуренные усы воинственно топорщились, а в прищуренных глазах вспыхнула собранная цепкость.

— По коням, Кирюша, — бросил он, подхватывая тяжелый ящик с фонарем. — Там на двадцать четвертом глина сплошная, колеи от лесовозов, да еще морось эта проклятая... Хоть бы бак у легковушки не полыхнул.

Санитарная «Газель» вылетела за ворота подстанции с воем сирены, взрезая колесами лужи. Я сидела впереди, растирая запотевшее лобовое стекло и напряженно вглядываясь в вязкую белесую пелену. Лучи фар рассекали туман лишь на десяток метров вперед. В салоне привычно пахло нагретой соляркой, горячей резиной и мокрым шерстяным шарфом дяди Паши. Я мысленно перебирала укладку реанимационного чемодана: жгуты, кровоостанавливающие, противошоковые растворы, шины Крамера, воротники Шанца, флаконы с полиглюкином...

— Кирюша, гляди-ка в оба, — настороженно сбавил скорость старик, притормаживая у разбитого съезда. — Столбик двадцать четвертый... А где лесовоз-то?

Я прильнула к холодному стеклу. Асфальт в свете фар блестел пустой мокрой лентой. Впереди высилась глухая стена векового хвойного бора да лоснилась маслянистая глина на обочине. Ни следа аварии. Нехороший, ледяной холодок медленно пополз между лопаток.

— Пусто... — прошептала я. — Неужели диспетчер напутала?

— Сдаем назад, доложу в дежурку Ковалеву, — дядя Паша потянулся к тумблеру. Договорить он не успел.

Из придорожного кустарника без фар, с утробным дизельным ревом на трассу вырвалась чудовищная черная туша — тяжелый рамный пикап, усиленный стальным швеллером вместо бампера. Удар в левое крыло «Газели» отозвался визгливым скрежетом сминаемого железа и взрывом стекла. Машину закрутило и с глухим металлическим стоном швырнуло боком на пологий край кювета.

Меня со всей силы бросило на металлическую дверную стойку, плечо обожгло болью, во рту мгновенно появился привкус крови. «Газель» опасно накренилась, но осталась на колесах. Двигатель заглох; под смятым крылом шипел воздух из пробитого колеса. Дядя Паша лежал на рулевом колесе, оглушенный, с тонкой струйкой крови на седом виске.

Снаружи раздался треск веток и чавканье сапог по глине. Водительскую дверь с мясом рванули наружу. Двое в черных вязаных балаклавах и камуфляже с автоматами АКМ выдернули дядю Пашу из кабины и швырнули лицом в липкую ледяную грязь обочины.

— Морду в землю, дед! Не рыпаться! — хрипло зарычал один из них, целясь старику в затылок пламегасителем.

Страх мгновенно испарился, вытесненный слепящей яростью. Я выбила ногой заклинившую дверь кабины, выбралась на насыпь и всем телом встала между дулом автомата и дядей Пашей:

— Не стрелять! Я старший фельдшер бригады! Убьете водителя — останетесь без медика!

Налетчик опешил, палец на спуске дрогнул.

— Заткнись, Штык! — раздался с насыпи тяжелый властный бас.

Из тумана спустился третий — коренастый мужчина с тяжелой челюстью, перебитой переносицей и серыми немигающими глазами лагерного вожака. Это был Бизон. Он сдернул брезент с кузова своего пикапа и полоснул лучом фонаря внутрь. На промасленном полу, скорчившись, лежал парень лет двадцати пяти, смертельно бледный, с синюшными губами. Его темный свитер пропитался венозной кровью из разорванного бока под ребрами.

— Медичка? — Бизон вперил в меня тяжелый взгляд. — Твой фарт, девка. Это брат мой, Серый. У инкассаторов пулю словил. Удержишь его до утра живым — отпущу обоих с бабками. Сдохнет — закопаю в этой канаве заживо.

Я шагнула к пикапу, мгновенно оценив позу раненого и доскообразное напряжение брюшной стенки:

— Огнестрел в правое подреберье. В открытом кузове на сыром ветру он уйдет в шок через пятнадцать минут. Хочешь, чтобы он жил — перегружайте в наш кунг! Мост целый. Дядя Паша покажет, где запаска, — смените колесо и вытянете машину на дорогу. И дядю Пашу внутрь — он пойдет санитаром, будет держать штатив инфузии. Без него я в тряске сосуд не удержу!

Бизон оскалился, но уверенность в моем голосе сломила его:

— Штык, шевелись! Раненого в скорую! Деда внутрь. Штык за руль «Газели», я следом!

Пока Бизон волок парня в салон, а Штык по указаниям дяди Паши возился с запаской, я наклонилась за своим оранжевым чемоданом реанимации в траве. Мысли работали с холодной четкостью: если нас утянут в глухие леса без следа — нас закопают на первом же болоте. Нужна улика.

Делая вид, что спотыкаюсь у колеса, я достала из кармана стеклянную ампулу транексамовой кислоты и уронила в глубокую колею. А затем всем весом опустила тяжелый каблук своего форменного берца на стекло, вдавив его в мокрую глину.

Раздался сухой хруст. Осколок горлышка с цветной маркировочной полоской впечатался в грязь в самый центр четкого отпечатка рифленого уставного протектора подошвы тридцать седьмого размера.

Если по тревоге поднимется капитан Денис Яровой — а на ночные вызовы в составе следственно-оперативной группы выезжал именно он, — его дотошный глаз эксперта не пропустит этот скол. Он прочтет мой след.

— В будку, живо! — грубо толкнул меня Штык.

Дверь кунга с грохотом захлопнулась, отрезав нас от ночного мира.

* * *

Пикап вытянул нас из кювета; Штык завел «Газель» и свернул с трассы. Теперь машину нещадно швыряло. Штык — как я позже узнала, Виктор Штыков — вел «Газель» дергано, с яростными перегазовками, скрежеща коробкой передач на каждом ухабе. За рулем сидел безумец, взвинченный адреналином и животным страхом погони. В салоне тускло мигал аварийный плафон, отбрасывая дрожащие тени.

Серый — Сергей Бизин, младший брат главаря банды Артура Бизина по кличке Бизон, — лежал на носилках, пристегнутый брезентовыми ремнями. Лицо парня посерело, на висках выступили капли холодного липкого пота.

— Холодно... — сипел он белыми губами. — Артур... где Артур?..

— Тихо, лежи смирно, дыши ровно, — жестко сказала я, натягивая свежие хирургические перчатки. — Дядя Паша, прижмите марлевую салфетку к правому боку, двумя пальцами. Сильно, но без рывков.

Дядя Паша, бледный, с рассеченным виском, сидел у изголовья, держась обеими руками за стойку капельницы и тампон:

— Держу, Кирюша, держу... Куда ж этот душегуб нас прет? Дорога-то вроде не на рай-центр...

Сквозь щель в уплотнителе бокового окна тянуло ледяным сквозняком. На крутом пригорке в просвете тумана мелькнули ржавые цистерны заброшенной АЗС на развилке дорог в восьми километрах от трассы. Технологический проселок на торфоразработки. Они уходили в трясины.

И тут впереди блеснул одинокий желтый огонек.

На развилке дежурил временный полицейский пикет: щитовой вагончик, полосатый брус шлагбаума и фонарь. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Живые люди! Спасение!

— Штык, тормози, впереди пост! — захрипела рация Бизона.

— Срисуем нас! — взвизгнул Штык, и мотор взревел. Скорая не сбавила ход, а присела на рессоры, набирая смертельный разгон.

Под предлогом того, что достаю спирт, я метнулась к боковому окну. Моя правая перчатка была густо измазана кровью раненого. Не раздумывая ни доли секунды, я с размаху прижала раскрытую ладонь к холодному стеклу, оставив на запотевшей поверхности яркий кровавый отпечаток — отчаянную просьбу о помощи.

Из вагончика на свет выбежал инспектор с жезлом. Я узнала его мгновенно: Толя Синицын! Молодой сержант, не раз заезжавший на подстанцию за путевками. Синицын решительно шагнул на середину проезжей части, вскидывая жезл: скорая без спецсигналов, с разбитым крылом и ревущим двигателем не могла не вызвать подозрения.

— С дороги, сука! — заорал Штык, вдавливая педаль газа в полик.

Капот «Газели» на полной скорости снес сосновый брус шлагбаума. Толстое бревно разлетелось в щепки, обломок со свистом вспорол крышу кунга. Толя Сеницын среагировал феноменально: в последнюю долю секунды он сгруппировался и гимнастическим кувырком ушел в кювет, прямо в гравий.

Машины подбросило. Я прильнула к стеклу: Сеницын был жив! Осыпанный щепками, он уже вскакивал на колесо, выхватывая табельный пистолет.

— Врубай шарманку! — рявкнул Бизон по рации.

Штык щелкнул тумблером на черном блоке между сиденьями. Раздался тонкий, сверлящий зуммер, и по салону пополз запах жженого лака. Вой войсковой глушилки забил эфир плотным белым шумом.

Но позади уже гулко щелкнули два выстрела. Сноп искр брызнул от нашего заднего колеса, пуля чиркнула по днищу с визгливым рикошетом. Сеницын стрелял по скатам, и я надеялась всем сердцем: он успел разглядеть бортовой номер скорой, разбитую решетку и мой кровавый отпечаток ладони на стекле.

— Артур, куда теперь?! — орал Штык.

— На лесовозную гать, в Глухой Яр! — донеслось сквозь треск. — Мент к проводному телефону побежит, через десять минут весь райотдел поднимут!

«Газель» свернула на заброшенную лесную дорогу, где вместо асфальта лежали полусгнившие бревна настила. Дядя Паша медленно выдохнул и посмотрел на меня со злой гордостью:

— Толька... Живой, шельма. Молодец парень, не растерялся. Он сейчас подполковнику Ковалеву в дежурку позвонит, а Ковалев первым делом Ярового на ноги поднимет. Держись, Кира. Теперь за нами идут.

Сквозь мутное заднее стекло вдали на миг вспыхнул синий проблеск уазика Сеницына — сержант разворачивал машину, фиксируя направление нашего ухода. Погоня началась.

Глава 2

Лес обступил нас глухой непроницаемой стеной. Дождь перешел в липкий мокрый снег, облепивший стекла серой кашцей. Колеса «Газели» то и дело буксовали в раскисшей глине лесовозного волока. Машину кренило так, что мне приходилось упираться коленями в каркас носилок.

Снег... Худший враг для преследования. Если он повалит сплошной стеной, через полчаса от наших следов не останется ничего — тайга надежно похоронит все ориентиры.

Тревога сдавила грудь ледяным обручем, но перед мысленным взором встало лицо капитана Дениса Ярового.

Я видела его на ночных происшествиях десятки раз. Высокий, широкоплечий, в темном форменном бушлате, с неизменным тяжелым экспертным чемоданом в руках. Там, где другие топтались по лужам, Денис работал с точностью швейцарских часов: галогеновые лампы косопадющего света, дальномеры, пленки для снятия микрочастиц. Он опускался на колени прямо в грязь и читал следы так, словно они были напечатаны крупным шрифтом. В его глубоких серых глазах всегда горела холодная, железная уверенность спецназовца, который дойдет до сути.

И сейчас я молилась только об одном: чтобы он успел. Чтобы понял мой след на двадцать четвертом километре.

В этот момент под потолком кунга старый аварийный радиоприемник дяди Паши пробил вой глушилки тихим, низким, ровным голосом.

— «Север-12» на связи, — негромко звучало из динамика. Голос Дениса был настолько спокойным, словно он стоял рядом. — Двадцать четвертый километр осмотрен. Осколок ампулы с транексамом и след уставного берца тридцать седьмого размера зафиксированы. Направление — волок на Глухой Яр. Иду по следу. Ковалев, держи кольцо. Я их достану.

Слова эти отозвались во мне горячей спасительной волной. Он нашел! Он все понял! Слезы обожгли глаза, но пальцы мои сжались в кулаки: капитан Яровой шел за нами.

— Ах ты падаль! — Штык в кабине сорвал карабин и со всего размаха ударил прикладом по панели приемника. Пластик разлетелся с треском, сноп синих искр брызнул под потолок, запахло паленой медью. Эфир смолк.

Бандит обернулся через решетку, брызжа слюной:

— Че лыбишься, сука?! Мента своего ждешь?! Я вас обоих положу!

Я поднялась во весь рост, держась за поручень, и холодно процедила:

— Бей сильнее, герой. Разобьешь проводку, устроишь пожар — сами отсюда не выберемся. Только твой напарник на носилках заживо сгорит первым, а ты пойдешь по болотам прямо под пули спецназа. Рули давай, пока колеса крутятся.

Штык подавился воздухом и отвернулся. Он панически боялся остаться в тайге без машины и без помощи раненому.

«Газель» выскочила на высокий песчаный гребень. На миг кроны сосен расступились, и сквозь заднее стекло я увидела: далеко позади, пробивая снег и тьму, двигались два мощных

луча светодиодных прожекторов. Неужели «Патриот» Ярового? Я знала его машину и теперь жадно следила за огнями. Кто-то сел на наш след. Белые лучи резали тайгу, словно два хирургических скальпеля.

Из шедшего следом пикапа донесся яростный крик Бизона. Раздался выстрел в воздух из помповика:

— Жми, тварь! К броду жми! За рекой болота, там на колесах не пройти!

— Дядя Паша, — шепнула я, доставая ампулы викасола и гемостатические губки. — Держись за носилки. Бизон паникует. А Денис уже висит на хвосте. Теперь главное — не дать парню умереть до брода. Пока он дышит — мы живы.

Дядя Паша пожал мою руку своими мозолистыми пальцами:

— Молодец, дочка. Ты у нас кремень. Держимся.

* * *

Настил из бревен кончился, колеса утонули в раскисшей торфяной пойме. Машину швыряло так, что металлические полки стонали, а инструмент звенел непрерывной дробью. Я сжала резиновую грушу тонометра: пятьдесят на двадцать! Пульс нитевидный, живот Серого затвердел, как доска. Брюшная полость стремительно наполнялась кровью.

— Геморрагический шок третьей степени! — крикнула я, срывая колпачок со шприца. — Если не пережать сосуд сейчас — сердце встанет!

Штык на ухабе не справился с управлением, машина заглохла, ткнувшись бампером в торфяную кочку. Бандит выскочил из кабины, распахнул перегородку и с безумными глазами прижал ствол ТТ к виску дяди Паши:

— Че мудришь, тварь?! Он сдыхает! Если сдохнет — я деду мозги вынесу прямо на этом сиденье! Делай что-нибудь!

Вид пистолета у виска моего напарника смел последние остатки страха. Одним яростным движением я рванула рукоять боковой двери. Створка со скрежетом откатилась, в душный кунг ворвался морозный снежный вихрь. Я шагнула прямо на бандита, глядя ему в перекошенное лицо:

— Убрал ствол от старика, пададь! Одно движение — и я вырву подключичный катетер и полосну скальпелем по вене! Он захлебнется кровью за сорок секунд, и ты лично пойдешь объяснять Бизону, почему его брат сдох! Выбирай: убираешь пистолет или хоронишь его здесь!

Штык остолбенел. Перед ним стояла женщина с окровавленным зажимом в руке и ледяным бешенством во взгляде. Палец его на спуске мелко задрожал. Сдавленно выругавшись, он опустил пистолет и попятился:

— Психованная... Работай давай, слышишь!

Он захлопнул дверь. Из кабины донесся рык мотора, но «Газель» только дернулась на бревне и снова замерла.

Этот рывок едва не погубил раненого. «Газель» подбросило на бревне. Серый дернулся, канюля катетера в его боку хрустнула и сломалась у основания. Из глубины раневого канала темным горячим фонтаном ударила венозная кровь, заливая мой халат и руки.

Счет пошел на секунды.

— Губки сюда, дядя Паша!

Сорвав перчатки, я обеими руками вошла в раневой канал, раздвигая края рассеченных мышц. Пальцы погрузились в горячую пульсирующую глубину. Печень... край двенадцатиперстной кишки... связка! Я нащупала плотный бьющийся сосудистый пучок и до хруста в собственных суставах сдавила его пальцами, прижав к костному ложу.

Кровотечение остановилось.

— Есть... — выдохнула я сквозь стиснутые зубы. — Держу.

В этот миг задние двери распахнулись, в кунг влетел Бизон с дробовиком. Но увиденное заставило его замереть на пороге. Я стояла на коленях, держа руки глубоко в ране его брата. Мой халат был багровым, лицо белым от напряжения, но взгляд — неподвижным и властным.

— Чего встал?! — прикрикнула я на главаря. — Бросай ружье, руки спиртом обливай и сюда! Зажим Кохера из лотка — подай в правую руку!

Бизон моргнул, словно очнувшись. Швырнув помповик на пол, он плеснул антисептик на огромные ладони и упал на колени рядом со мной:

— Что делать, командир?.. Что подать?!

— Зажим! Длинный, с насечкой! Держи салфетку, промокай здесь. Дави сильнее, не жалей его!

И матерый рецидивист покорно держал тампоны, выполняя каждую команду. Я подвела бранши сосудистого зажима под пальцы, щелкнула замком, упаковала ложе печени гемостатической губкой и взяла иглодержатель с шелковой нитью. Точными узловыми швами я стянула края апоневроза. Кровотечение было остановлено полностью.

Дядя Паша поднес тонометр:

— Кирюша... Восемьдесят пять на шестьдесят. Пульс восемьдесят, ровный пошел!

Серый глубоко вздохнул, лицо его начало терять мертвенную синеву. Он дышал.

Я тяжело опустилась на пол, пряча дрожащие от спазма пальцы. Бизон тяжело дышал на корточках, глядя на меня с суеверным страхом:

— Ты шаманка, девка... Слово даю: волос с тебя не упадет. Серого вытащим — озолочу.

Бизон выскочил наружу; они со Штыком освободили колеса, и машина снова поползла вперед. Я отвернулась к окну, обмывая руки перекисью. Мне нужно было только одно: чтобы Денис успел перекрыть дорогу.

* * *

Лес расступился, и «Газель» вылетела к широкому мрачному плесу реки Студёнки. Черная торфяная вода бурлила между ледяными краинами старого брода. Впереди стеной стоял глухой вековой ельник.

Штык попытался форсировать реку с ходу. Машина взревела, подняла фонтаны ледяных брызг... и с оглушительным скрежетом села брюхом на скрытые валуны. Мутная вода хлынула через пороги кабины, заливая пол кунга. Дизель захлебнулся и заглох от тяжелого гидроудара.

Следом влетел пикап Бизона — и точно так же намертво зарылся передними колесами в топкий ил прибрежного переката.

— Приехали, твою мать! — взвыл Штык, вываливаясь в ледяную воду.

Бизон выскочил следом и яростно сплюнул:

— Бросать технику! Носилки вытаскивай! Пешком по тропе на кордон пойдем, там пересидим!

Мы с дядей Пашей, оскальзываясь на мокрых ступеньках, вытащили брезентовые носилки с укутанным Серым. Ледяная вода моментально промочила ботинки, обжигая ступни холодом. Течение Студёнки сбивало с ног. Дядя Паша кряхтел, но упрямо сжимал деревянные ручки.

Штык, замыкавший отход, вдруг вскинул карабин:

— Там кто-то есть! Оптика блеснула на том берегу!

В панике он дал длинную веерную очередь по ельнику. Пули с визгом срезали верхушки тальника, обрушивая ветви в бурлящую воду.

— Отставить огонь, дурак! — рявкнул Бизон, пытаясь перехватить ствол. Ответ пришел без промедления.

Из непроглядной тьмы сосновой гряды, со стороны дальнего берега, прозвучал единственный выстрел. Сухой, хлесткий щелчок снайперского карабина.

Тяжелая бронебойная пуля с ювелирной точностью вошла прямо в решетку радиатора бандитского пикапа. Глухой металлический взрыв разнес блок аккумуляторных батарей и генератор вместе со шкивом лебедки. Сноп ослепительных искр взметнулся над капотом, потянуло едким серным дымом электролита. Колесный транспорт банды был уничтожен окончательно и бесповоротно.

Капитан Денис Яровой вышел на огневой рубеж.

Бандиты от неожиданности рухнули на колени прямо в бурлящую воду.

— Снайпер! — заверещал Штык, закрывая лицо руками.

— В тальник, в болота уходите! — заорал Бизон, подхватывая носилки. — В лесу он нас не достанет!

Они поволокли раненого в колючие заросли прибрежного кустарника, где начиналась тропа в Глухой Яр. Грязь чавкала под ногами, засасывая берцы по щиколотку. На развилке двух звериных троп Бизон толкнул дядю Пашу вперед, понукая шаг.

Я споткнулась о замшелый корень и упала на колено в жидкий мох. Бандиты на мгновение отвернулись, проламываясь сквозь хлещущие ветки.

Это были мои две спасительные секунды.

Достав из кармана бинт, я зубами вцепилась в его край, оторвала длинный лоскут стерильной белой марли и намертво наколола его на острый сломанный сук тальника на высоте полутора метров. А затем с силой вдавила каблук правого ботинка в мокрый торф у корня.

Белый флажок марли, пахнувший антисептиком и теплом моего дыхания, остался трепетать на ветру развилки. Безупречный маяк.

— Шевелись, медичка! — дернул меня подоспевший Штык.

Я вскочила и побежала за носилками, но сердце пело ликующую песню. Обернувшись на бегу сквозь пелену мокрого снега, я увидела: у кромки черной воды брода выросла высокая, широкоплечая фигура в камуфляже. Неужели Яровой? Тонкий луч фонаря скользнул по тальнику и лег на тропу, по которой нас гнали. Белый флажок я уже не различала, но свет двигался в нашу сторону.

Он шел след в след.

Впереди на холме среди вековых сосен показался темный покосившийся сруб заброшенного кордона лесхоза. Штык с разбегу вышиб плечом трухлявую дверь, срывая ржавый засов.

Бизон, вскидывая автомат в сторону черной тайги, хрипло скомандовал:

— Заноси его в дом! Дверь запереть! Здесь пересидим до рассвета!

Трухлявая дверь с грохотом захлопнулась за нашими спинами, отрезав свист ветра и погрузив нас в промерзшую тьму кордона.

Глава 3

Сквозь выбитые окна бревенчатой избы заброшенного кордона со свистом врывался ледяной сквозняк. Под ногами сухо шуршала нанесенная осенними бурями хвоя и труха, а холод въедался под мокрую ткань куртки, обжигая спину ледяным компрессом. Воздух внутри пах вековой сырой плесенью, мышиным пометом и промороженной ольховой корой.

Штык с остервенением толкнул брезентовые носилки с раненым Серым прямо на мерзлые, неструганные доски пола. Раздался глухой, мучительный стон больного. Налетчик нервно передернул затвор укороченного автомата АКМ, шагнул к едва держащемуся на ногах дяде Паше и брызнул слюной:

— Слышь, Артур! Давай деда прямо тут, на пороге кончим! Руки отваливаются его таскать! Чего на него воздух и дрова переводить?! Один патрон в затылок — и концы в воду!

В полумраке блеснул холодный металл пламегасителя, направленного старику прямо в переносицу. Дядя Паша лишь судорожно сглотнул, прислонившись плечом к бревенчатому косяку, но взгляда не отвел — в его усталых глазах светилась горькая, спокойная готовность принять смерть.

Я шагнула вперед, намертво перекрыв собой узкий дверной проем, и в упор полоснула Штыка ледяным, режущим взглядом:

— Попробуй только шевельнуть пальцем, мразь! У твоего босса брат умрет от плеврита и шока через сорок минут в этом склепе! Ты видишь, какая здесь температура?! Бросай ствол и тащи березу из поленницы во дворе, живо! Если через пять минут печь не загудит — я сворачиваю капельницу, и твой дружок захлебнется собственной кровью!

Голос мой звенел непоколебимым металлом. В промерзших сенях повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым хрипом Серого.

— Штык, пасть завали! — раздался сзади тяжелый окрик Бизона. Главарь грубо толкнул подельника в плечо к выходу. — Она дело говорит. Дров тащи, скотина! Сухих, с берестой! Замерзнет брат — я с тебя лично шкуру спущу!

Штык грязно выругался, но послушно бросился в темный двор к сараю. Первая маленькая битва за право на жизнь была выиграна.

Штык, тяжело дыша и вздрагивая от каждого ночного шороха в лесу, затащил поленья и с грохотом швырнул их у печи, словно собака кость. Стены старой избы, просмоленные сосновые плахи полувековой давности, отдавали вековым таежным покоем. Здесь когда-то жили люди, пахло сухим сеном, березовым дегтем и человеческим жильем, и этот призрак былого уюта парадоксальным образом давал мне силы не сломаться перед бандитами. Мы затащили носилки в жилую комнату. Посреди горницы высилась массивная русская печь с побеленными боками. От ее кирпичей веяло вековым сырым холодом, словно от надгробной плиты.

Дядя Паша, опустившись на колени перед зольником, торопливо смахнул рукавом паутину, заглянул в топку и вдруг с неожиданной уверенностью потянулся к кованой верхней задвижке:

— Не бойсь, Кирюша... Не пропадем, дочка. Майор Валерий Зубцов с ребятами из поисковой группы СОГ сейчас всю округу шерстит, а Яровой нас по следу выпасет... Я двадцать лет назад сюда бригады лесостроителей возил, когда заказник межевали. Месяцами тут жили,

пока просеки рубили. Каждую тропку здесь знаю, каждый сучок! А печка эта — работы старого мастера деда Матвея, трехходовая, с хитрым перекатом тяги. Главное — нижний выщечный вкладыш открыть, а средний на два пальца прижать...

Пальцы старика, несмотря на дрожь, безошибочно нащупали в глубине кирпичной кладки нужные железные заслонки. Сухая береста от чиркнувшей спички вспыхнула жарким оранжевым языком, смоляные поленья жадно занялись с сухим треском. Мощная, благодатная тяга со свистом втянула дым в кирпичное жерло, не пустив в горницу ни единого едкого облачка.

Печь загудела ровно и мощно, словно сытый зверь. Первый густой теплый воздух покатился по комнате, вытесняя знобящую сырость и наполняя углы ароматом березового дыма.

— Ну вот и слава Богу, — выдохнул дядя Паша, устало присаживаясь на припечек.

Я не стала терять ни секунды. Пользуясь тем, что бандиты жадно грели руки у топочной дверцы, я решительно перехватила инициативу:

— Бизон, берем носилки! Переносим Серого на широкий топчан к теплой стенке печи. Снимайте бушлаты, сушите у чела. И стол сюда, ближе к свету!

Я разложила на чистом полотенце ампулы, шприцы и стерильные бинты, жестко разграничив пространство горницы на медицинский сектор и угол конвоя. Мы отвоевали безопасный очаг посреди смертельной опасности.

Я смотрела на огонь, плясавший на бересте, и чувствовала, как тепло разливается по онемевшим ногам. Мокрые кожаные берцы начали оттаивать, пар поднимался от синих форменных брюк. Серый на топчане перестал судорожно вздрагивать: сухое тепло русской печи отгоняло ледяное дыхание септического шока. Дядя Паша, прислонившись спиной к беленому боку лежанки, тихонько гладил шершавые кирпичи, словно здоровался со старым другом. Его лицо посветлело, дыхание стало глубже. В этой избе, посреди сотен километров глухой тайги, печь стала нашей крепостью, отвоеванной у вооруженных головорезов силой одной лишь медицинской необходимости.

* * *

Печь уже приятно прогревала спину, но внезапно тихий, мучительный стон со стороны лавки у окна заставил меня вздрогнуть.

Дядя Паша тяжело осел на грубые доски, судорожно вцепившись пальцами в ворот свитера на левой стороне груди. Его лицо стремительно теряло остатки краски, вокруг губ разлилась смертная синева носогубного треугольника, на лбу выступила холодная испарина, а дыхание стало свистящим и прерывистым.

Стенокардия. Острый спазм коронарных сосудов после ледяной воды брода и дикого нервного потрясения. Если не снять приступ сию секунду — разовьется обширный трансмуральный инфаркт, и напарника я потеряю прямо здесь.

Я метнулась к железному чугунку с водой, закипавшему на раскаленных углях припечка, но дорогу мне мгновенно перегородил Штык, грубо выставив локоть:

— Куда прешь, медичка?! Кипяток наш! Мы чифир варить будем, охране взбодриться надо!

— Назад отойди! — с яростью бросила я, отталкивая его руку с жестяным ковшом. Затем повернулась к Бизону, перевязывавшему раненую ногу у стола: — У моего водителя сердечный криз! Если он умрет от инфаркта прямо сейчас — я не притронусь к твоему брату ни единым

пальцем! Пусть захлебнется собственной желчью и кровью! Выбирай, главарь: кружка кипятка для старика или смерть Серого через полчаса!

Бизон свирепо зыркнул на подручного:

— Дай ей набрать воды, кретин! Не видишь — брат горит весь!

Штык злобно сплюнул и отошел в угол. Я схватила жестяную кружку, плеснула кипятка и лихорадочно огляделась по сторонам в поисках посуды или трав. Над припечком висел старый навесной шкафчик лесника с разохшейся дверцей. Я рванула створку. На верхней полке, среди паутины и пыли, стояла круглая жестяная банка из-под печенья с нацарапанной гвоздем надписью «Шиповник».

Я сдернула крышку: внутри темнели сухие сморщенные ягоды дикого лесного шиповника и высушенные листья перечной мяты. Можно заварить горячий чай. Но сначала — аптечка: одними травами я напарника не спасу.

Но когда я запустила пальцы на самое дно банки под ягоды, рука наткнулась на что-то плотное, тяжелое и холодное.

Продолговатый, тугой сверток в промасленной холщовой ветоши, перевязанный просмоленной льняной бечевкой. Он лежал на самом дне, присыпанный сухими ягодами, словно специально оставленный для того, кто окажется в этой глуши в смертный час.

Стоя спиной к жующим сухпак бандитам, я осторожно отогнула край ткани в тени полки. Сердце сделало бешеный толчок: на ладонь лег массивный, добротный складной охотничий нож таежника с надежным стальным фиксатором клинка и рифленой рукоятью из полированного рога лося. Острое, как бритва, лезвие тускло блеснуло оружейной смазкой. Скрытый таежный схрон! Настоящее оружие!

Одним неувимым движением фокусника я переправила тяжелый нож во внутренний глубокий карман своего медицинского саквояжа, прикрыв его ампульницами с новокаином. Латунный замочек чемодана щелкнул едва слышно. Теперь я была не безоружна.

Я проверила состояние дяди Паши и занялась им, пользуясь своей укладкой. Когда он смог спокойно сидеть, размяла в кружке горсть шиповника и листьев мяты: горячий чай поможет согреться. Терпкий, спасительный аромат лесного отвара заполнил угол избы.

Я подошла к дяде Паше, опустилась рядом на колени и осторожно приподняла его седую голову:

— Пейте, дядя Паша. Мелкими глотками. Шиповник с мятой. Пейте, родной, все обойдется...

Старик сухими губами припал к краю кружки. Я нашла в старом сундуке сухой овчинный полушубок лесника и заботливо укутала его ноги. Постепенно помощь и тепло сделали свое дело: дыхание дяди Паши выровнялось, мучительная синева с лица сошла, уступив место живому теплу.

— Спасибо, Кирюша... — прошептал он со слабой улыбкой. — Золотая ты душа...

Он прикрыл глаза и уснул глубоким, восстанавливающим сном. Приступ отступил.

Шиповниковый взвар пах домом, покоем и детством. Этот аромат был настолько неуместен среди автоматов и окровавленных повязок, что даже Бизон на секунду замер у окна, с неожиданной тоской втянув ноздрями теплый пар. В глазах главаря мелькнуло что-то чело-

веческое, давно погребенное под лагерной жестокостью. Он молча отошел к брату, поправил упавшее одеяло и опустил голову на руки. В эту минуту в избе властвовал не закон тайги и не пистолеты, а простая женская забота, способная усмирить даже диких зверей.

Глава 4

В комнате тяжело дышал спящий Серый, у печи клевал носом Штык, держа автомат на коленях. Мне необходимо было выйти наружу, чтобы оценить обстановку.

— Пойду проверю тягу дымохода на чердаке через заслонку, — негромко сказала я, поднимаясь с лавки. — Иначе угарным газом всех затынет.

Бизон лишь махнул рукой, не отрываясь от чистки пистолета.

Я тихо притворила за собой дверь и оказалась в темноте неотапливаемых сеней. Здесь царил бодрящий морозный холод, пахло сухой смолой, пылью и сушеными грибами. Из-за дверной щели в комнату доносился глухой, монотонный треск рации Бизона, забитой плотным белым шумом переносного подавителя помех, который Штык вытащил из затопленной машины и притащил на кордон: глушилка банды все еще создавала купол радиомолчания.

Старая бревенчатая стена сеней пахла заиндевевшим мхом. Холодный воздух, пахнувший первым снегом и горькой хвоей, приятно охлаждал пылающий лоб, прогоняя дурноту и страх. Я поднялась на скрипучие ступени чердачной приставной лестницы и прильнула глазом к раскошейся щели слухового окна, выходившего на западную опушку тайги.

Перед глазами раскинулась черная стена вековых корабельных сосен и елей, окутанная клубами предрассветного тумана. Дистанция — метров двести. Тишина стояла звенящая, нарушаемая лишь редким падением комьев мокрого снега с ветвей.

И вдруг в самой гуще непроницаемых хвойных лап исполинской сосны на опушке вспыхнул крошечный, ослепительно-рубиновый огонек.

Он вспыхнул и погас. Затем снова. И еще раз.

Ровно три коротких, ритмичных световых импульса в сторону моего слухового окна! Оптический прицел Ярового! Световой код спецназа!

Сердце заколотилось о ребра с такой силой, что перехватило дыхание. Он здесь! Денис добрался до кордона по моему следу! Он где-то на опушке. Я пока различала только огонек, но вцепилась в него взглядом, как в спасательный круг.

В этот же миг в рации бандитов сквозь завывание глушилки на долю секунды прорвался звонкий щелчок тангенты и обрывок полицейской волны: дежурный докладывал, что глава района Михаил Сергеевич Воронов взял координацию штаба КЧС на себя и стягивает всю технику к лесхозу. Я вслушалась в прерывистый вой зуммера подавителя внизу и по своему опыту работы с полевыми аккумуляторами дефибрилляторов поняла: подавитель работал с перебоями. Почему — не знала, но в эфире появились голоса наших. Радиомолчание треснуло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.